

ДЕТЕКТИВ-НОСТАЛЬГИЯ

Пролог
ОКРЕСТНОСТИ ОЗЕРСКА,
октябрь 1943 г.

Вечерело. Низко над лесом стелились темно-синие тучи, дождь — мелкий и нудный — то переставал, то начинался вновь. Дорога давно раскисла и превратилась в грязное непроходимое месиво, сквозь которое мужественно продирался вечный труженик вермахта, грузовик «Опель Блиц» с выкрашенной в сине-серый цвет — фельдграу — кабиной и поцарапанным кузовом.

Продирался, но все-таки застрял! Застрял, завыл двигателем, но... безуспешно.

— Доннерветтер! — выругался сутулый майор в голубовато-серой шинели и выпрыгнул из кабины. Впрочем, судя по петлицам с грозными белыми рунами, это был не майор, а штурмбаннфюрер СС.

Узкое бледное лицо, ввалившиеся от усталости глаза, щетина... Не до бритвы сейчас, нынче не сорок первый и даже не сорок второй — конец сорок третьего! Русские прут, как паровой каток, не дают покоя ни днем ни ночью. А ведь как все хорошо начиналось! Эх... Думали, новый сорок второй год в Москве встретить. Встретили... тьфу!

— Хельмут, Ханс!

Услышав приказ, из кузова выпрыгнули солдаты. Всего-то двое. Да больше там и не было. Был еще шофер. Про него штурманнфюрер не забыл:

— Выходите, поможете... Я сам сяду за руль.

Уселся, выжал сцепление... Вновь завыл двигатель, завертелись в грязи колеса... Застрявший в непролазной грязи грузовик толкали трое. Ну-ну!

— Так. Нарубите лапника, живо! — высунувшись из кабины, распорядился эсэсовец.

Солдаты бросились к елям. Еще пуще припустил дождь.

— Пошевеливайтесь, если не хотите заночевать в лесу, — угрюмо напутствовал их штурманнфюрер.

Проводив взглядом солдат, он вытащил из-за пазухи карту. Эта грунтовка вела из Озерска на Тянск и далее — к Петербургу. Туда было нельзя. Не доезжая Тянска, нужно повернуть к северу, там дорога к большой реке Свирь, там союзники — финны. Вообще-то до Свири есть еще одна дорога — вот прямо отсюда... Только по такой распутице не проедешь, увы...

А может, бросить к черту все эти ящики с документами и пробираться пешком? Не-ет, герр Брюкнер, о чем это вы? Тогда уж лучше было бы отсидеться в бункере, на болоте. Там и оружие, и патроны, и гранаты тоже. Однако о бункере знает агент! Связной, тот, что курирует своего человека у партизан. Прямо сказать — тот еще куратор! Юноша исполнительный, но безынициативный.

Эсэсовец неожиданно улыбнулся внезапно пришедшим в голову мыслям. Только улыбка вышла какая-то невеселая, кривая. Черт с ними, с агентами... Унтерменши... — пусть уж теперь сами как-нибудь... А вот ящики бросать никак нельзя. В них — картотека, агентурные донесения, адреса и клички связных — все! Неизвестно еще, как дальше война

сложится, а с таким ценным грузом нигде не пропадешь! Главное сейчас — выбраться.

Сплюнув, Брюкнер выбрался их кабины и сурово посмотрел на копошащихся с лапником солдат:

— Эй, скоро вы там?

— Стараемся, господин штурмбаннфюрер!

— Плохо стараетесь! А ну поднажали...

Офицер вновь уселся за руль. Завыл, заурчал двигатель...

Трое вышли на лесную опушку. Двоим — лет двадцать пять — тридцать, один — совсем еще молодой, безусый. Одеты примерно одинаково — в ватных телогрейках с военными портупьями, в сапогах. Все вооружены: пистолеты, трофейные немецкие автоматы МР-40, те самые, что кличут «шмайсерами».

Тот, что помоложе, вдруг затаил дыхание, прислушался, даже потянул носом воздух, словно вышедший на охоту волк. Обернулся к своим:

— Слышите? Вроде как машина!

Его напарники быстро переглянулись:

— Точно — машина. А чьи тут машины могут быть?

— Да только немецкие! Вдарим, Иван, а?

Покусав губу, Иван опустил автомат, вслушался:

— Судя по звуку — грузовик. Видать, в грязи застряли.

— Так и поделом, сукам фашистским! — зло прищурился молодой. — Небось, награбленное вывозят. Товарищ старший лейтенант, Иван Аркадьевич, догоним, а?

— Машину — на своих двоих?

— Так, может, не выбрались еще?

— Ну... черт с тобой — глянем. Только осторожно — там полно фрицев может быть.

Прибавив шагу, партизаны двинулись по опушке и вышли на раскисшую от дождей дорогу.

— Вот он! Грузовик! Черт... выехали... Вот уж, мать немецкую...

Выругавшись, парнишка выскочил прямо на дорогу.

— Куда ты! — старший лейтенант тут же рванул за ним, схватил за руку.

С борта удаляющегося грузовика рыкнула пулеметная очередь.

Парнишка нелепо взмахнул руками и кувырнулся в кювет, словно споткнулся. Старлей схватился за локоть — левую руку словно пронзило копьем или, скорее, ударило оглоблей!

— Ах, ты ж черт... Кольша, ты как?

— Нормально, товарищ старшей лей...

— Догнали грузовичок, — зло сплюнул третий. — Ладно, будем уходить. Вань?

— Да локоть...

— Хреново. Рука бездвижной может остаться. Давай-ка перевяжем.

— Сперва Кольшу.

— Давай. О, ё-моё! Нога-то! Кровищи! Ты, Коль, лежи, не двигайся, я сейчас. А грузовик... Там дальше дорога-то заминирована. Далеко не уедут!

«Опель Блиц» цвета фельдграу выбрался на более-менее приличную грунтовку и покатыл со скоростью километров сорок в час. Солдаты — да и щтурмбаннфюрер Брюкнер — заметно повеселели. Усевшись обратно за баранку, шофер даже принялся насвистывать что-то из репертуара знаменитой певицы Ильзе Вернер. Какое-то танго... или пасодобль...

Только недолго он свистел. Что-то вдруг ударило прямо под кузов! Грузовик с адским грохотом подбросило, казалось, прямо в небо.

ТАЙНА СИНИХ ОЗЕР

Когда Брюкнер пришел в себя, вокруг валялись одни обломки да окровавленные ошметки. В голове шумело. Руки-ноги сделались ватными. Покачиваясь, штурмбанн-фюрер все же поднялся на ноги и, вытирая со лба кровь, глянул на показавшееся из-за облаков солнце — маленькое, желтое, похожее на мячик.

— Однако повезло тебе, Курт... Как говорят русские — в рубашке родился.

Эсэсовец криво усмехнулся и вдруг услышал быстро приближавшийся треск мотоцикла, точнее — сразу нескольких. Серо-зеленые БМВ с колясками! Пулеметы, солдаты в плащах и касках. На шеях — бляхи на цепочках с ленточкой и орлом! Фельджандармы! Боже, как повезло...

— Эй, эй, стой! — со всей мочи закричал штурмбанн-фюрер. — Стойте, говорю! Мины!

Похоже, услышали. Остановились.

Выбравшись из седла, brave унтер — похоже, опытный вояка — подобрался по самой обочине к обломкам грузовика:

— Вахтмейстер Фогт. Фельджандармерия. Вы в порядке, герр штурмбаннфюрер?

— Да где уж тут — в порядке! Ящики... документы... Соберите все, что сможете... Быстро! Тут еще русские в лесу.

Что смогли, собрали. Далеко не все. Однако штурмбаннфюрер СС Курт Брюкнер и правда в рубашке родился. Повезло. И не только в этот раз...

Глава 1
ДЕРЕВНЯ КОЙВОЛА — ОЗЕРСК,
май 1963 г.

— Ну Аркадьич, ну ты пойми, ну... — тракторист колхоза «Путь Ильича» Семен Крокотов, не старый еще — лет сорока пяти — мужик с круглым красным лицом и трехдневной щетиной, помял в руках замасленную кепку и, опустив глаза, виновато глянул на собственные грязные сапоги. Нет, сапоги-то новые, и кирза хорошая, да вот — грязь... Так а где ее в деревне нету, коли два дня кряду дождало и только сегодня с утра распогодилось?

— Ну Иван Аркадьевич... Ну ты... ну... Я ж это...

— Вот именно — ты ж... Ты у нас кто? Тракторист! А я — председатель. И у меня за все голова болит!

Иван Аркадьевич поднялся из-за стола, заваленного табелями, скоросшивателями и прочим канцелярско-конторским хламом, и, осторожно поправив бронзовый письменный прибор в виде знаменитой скульптуры Мухиной «Рабочий и колхозница», исподлобья глянул на посетителя.

Пожилой, с недвигающей левой рукой — рана еще с войны, — председатель колхоза Иван Аркадьевич Чайкин был на селе уважаемым человеком. Да не только на селе, но и в райцентре, в Озерске. Еще бы — фронтовик, партизан с двадцатилетним партийным стажем, да еще и колхоз за три года из отстающих... ну, не прямо чтоб сразу в передовики,

но все же из ямы вытащил, за что второй секретарь райкома по сельскому хозяйству товарищ Сатин выразил ему личную благодарность. Ну и грамоту, конечно, выдали — «За вклад в развитие...». Вон она, на стене висит, рядом с портретом товарища Хрущева.

— Ну, это... Аркадьич...

Виноватился Семен — видно было. Потому как человек он совестливый, не какой-нибудь там городской шабашник, а свой, деревенский. А раз просил — значит, очень надо было.

— Эх, быстро вы трудодни позабыли. — Иван Аркадьевич вздохнул, пригладил остатки волос и, одернув синий пиджак с орденскими планками, уселся обратно на стул. Седые усы его уныло повисли, вытянутое морщинистое лицо на миг сделалось каким-то плаксивым, женским. Но тут же вновь стало строгим:

— Тебе зачем отгулы-то?

— Говорю же, сын в институт хочет... Надо в Ленинград ехать, родичей проведать. Что там да как...

— Дак в общежитие же можно.

— Да будет ли еще общежитие-то?

— Эх, Семен, Семен, без ножа ты меня режешь... В самую страду!

— Так пахоту-то закончили... Уж и проборонили.

— А сенокос?

— Побойся бога, Аркадьич! До сенокоса-то еще недели две как раз и будет. Я к тому времени вернусь.

Тракторист вытер выступивший на лбу пот: на левом запястье его было наколото небольшое сердечко и две буквы — «И» и «М». Имя давней зазнобы, грехи юности...

Стоявший на несгораемом шкафу, слева от портрета товарища Хрущева, репродуктор вдруг захрипел и разродился гнусавым голосом диктора:

— А теперь — концерт по заявкам радиослушателей. Для знатной доярки Ирины Матвеевны Кузиевой из колхоза имени Девятнадцатого партсъезда передаем песню Лидии Руслановой...

— Вот и с фермы навоз вывозить некому... — убавив звук, посетовал председатель. — В энтээсе-то тебя бы не отпустили!

Семен Крокотов лет семь проработал тем же трактористом на машинно-тракторной станции, которая обслуживала пять местных колхозов и два совхоза. Вот уж там — да... там работы хватало: здесь пахоту кончишь, давай в соседний колхоз, потом — в совхозы... Только поздней осенью и отдохали. А вот когда МТС ликвидировали да технику по колхозам-совхозам раздали, тогда полегче стало... трактористам-то. Председателям же — только лишняя головная боль! ГСМ достань, запчасти выбей, механиков толковых найди...

— В энтээсе — да-а... — согласно кивнув, Крокотов спрятал улыбку — понял уже: сдался председатель, отпустит.

— Слышь, Семен... Ну давай хоть неделю, не две...

Сошлись на десяти днях — на декаде. Отпустил Иван Аркадьевич своего колхозника, коль такое дело — сын. Да и тракторист Семен — толковый.

— Вот спасибо, дорогой ты мой Иван Аркадьич! Вот спасибо! Вернусь — отработаю.

— Ты еще поклонись! — хмыкнув, пригладил усы Чайкин. — Погодь прощаться-то. Про укрупнение районов слышал?

— Да по радио говорили...

— Смотри, не дай бог в Озерск лыжи наворишь! А что? В леспромхозе, говорят, заработать можно.

— Да ты что, Аркадьич! — выкатив светлые глаза, Крокотов вполне искренне всплеснул руками. — Чего еще не хватало — Озерск! Там и жить-то негде...

— Говорят, общежитие в бараках дают. Только неизвестно, на самом-то деле дают ли?

— В бараках! — Семен сплюнул бы, да постеснялся. И только презрительно хмыкнул: — Зачем мне барак, когда у меня своя изба имеется? Да и не поедет Зинка в барак.

Зинка — Зинаида — так звали жену Крокотова, доярку.

— Ну и молодец, что не поедет, — председатель довольно усмехнулся, но на всякий случай погрозил пальцем. — Ладно. Успешно съездить. Деньги подальше положи, спрячь, а то в дороге-то люди всякие... Вот у меня в прошлом году сват... А впрочем, ты слышал, наверное...

Зайдя домой, Семен быстро переоделся, натянул синие довоенные галифе, еще вполне хорошие и имеющие вид. Почистил наконец сапоги, набросил на плечи недавно купленный в сельпо серый шевиотовый пиджак, на голову — серую кепку и, прихватив небольшой чемоданчик, споро зашагал на большак.

Недолго и стоял — минут через двадцать поймал попутный лесовоз. Забравшись в высокую кабину, благодарно кивнул водителю — молодому белобрысому парню:

— Вот спасибо, друг! Не знаешь, в Озерске в Доме крестьянина места есть?

— Так должны быть. Шабашников сейчас нет, шефов тоже — не сезон.

Парень с треском врубил передачу, и тяжелый ЗИС-151 с прицепом-ропуском, полным только что напиленных хлыстов, медленно пополз по грунтовке, шумно ныряя в глубокие коричневато-бурые лужи.

Часа через полтора показался Озерск, недавний райцентр, насчитывающий около двух тысяч жителей. Леспромхоз, колхоз «Авангард», кустовая больница, пром-

комбинат... Еще — школа, почта, сберкасса, Дом пионеров и школьников. Да, и сельскохозяйственное училище на сто человек. Вообще-то центральная усадьба колхоза, но — раз уж был райцентром — считался городом.

— Ну, однако, приехали...

Водитель лесовоза тормознул недалеко от главной площади, никакого названия не имевшей, вернее, называвшейся просто — Площадь. Рядом на пригорке — стадион, за ним — клуб, построенный еще пленными немцами. На самой же площади — кирпичный автобусный павильон, универмаг райпо, продуктовый магазин и отдельно стоящий винно-водочный, красиво называющийся — «Заря». Тут же — большое двухэтажное здание, обшитое выкрашенными в синий цвет досками. На первом этаже — сберкасса и какие-то конторы, на втором — квартиры преподавателей училища.

— Вон он, твой Дом крестьянина, — водитель указал рукой.

— Знаю.

Подхватив чемоданчик, Крокотов выскочил из кабины и, махнув рукой шоферу, направился к двухэтажному бревенчатому дому с высоким крыльцом и тремя вывесками: «Хлеб», «Обувь» и «Дом крестьянина».

Места в Доме крестьянина были. Кроме Крокотова как раз заселялся еще один постоялец, судя по виду — из городских. Светло-бежевый костюм — «пара» — коричневые кожаные сандалии, шляпа, рубаха с узеньким галстуком. Остренькая «чеховская» борода, усики, тонкие губы... Интеллигент! Можно было бы назвать пижоном, кабы не возраст — немолодой уже, верно, Крокотову ровесник. Да нет — пижон! Вон как с девчонкой-администратором заигрывает!

— Ах, Леночка, какие же красивые у вас тут места!

— Тут у нас и охота, и рыбалка, и ягоды скоро пойдут! — милая блондиночка с косами широко улыбнулась в ответ.

— Ах, не зря мне здешние места порекомендовали. А полдома-дом тут у вас никто не сдает? Так, недельки на три... Ого! — тут «пижон» заметил Семена, скривил доброжелательно губы в улыбке, кивнул: — Мельников Михаил Петрович, инженер и... ботаник-любитель. Гербарии собираю, здесь их — непочатый край!

— Крокотов Семен... из деревни мы.

— Очень приятно! О, да тут и кроме нас уже постояльцы есть. Вон вещи-то... А, Леночка?

— Да, товарищи, — юная администраторша одернула модный, с накладными карманами пиджачок, накинутый поверх платья. — Тут еще с вами двое заготовителей из райпотребсоюза. Люди приличные.

— И мы — приличные, — Мельников подмигнул девушке и, хохотнув, повернулся к Крокотову: — Идемте. А что, Семен... как вас по батюшке?..

— Иваныч.

— А что, Семен Иваныч, «пулечку» вечером не распишем? С товарищами из райпотребсоюза?

— Чего?

— В картишки, говорю, перекинемся?

— Это можно. Но лучше — в домино.

— В домино так в домино, — махнул рукой инженер и уселся на свободную койку. — Ну что, распаковываем чемоданы?

Вечером играли. В преферанс умели не все, потому сошлись на более простом варианте — «козле». Соседи — товарищи из райпотребсоюза — оказались молодыми и компанейскими, на четверых раздавили поллитровочку под вареные яйца, плавленый сырок и пироги с рыбой. Хотя

и запрещено строго-настрога, а все же за знакомство как не выпить? Тем более с такими-то приятственными людьми? Но — интеллигентно все, под разговоры за жизнь и без всякого особого шума.

Поиграли, выпили и ровно в одиннадцать вечера, по распорядку, улеглись спать. А ночью случилась гроза...

Поначалу все было тихо, лишь на площади гомонили подростки, слышались смех да гитарный перебор. Ну что поделатъ — лето...

Откуда взялась грозовая туча — черт ее знает, но вот нагрязнула. Подобралась незаметно, словно голодный хищник, и очень даже быстро заволокла тихой сапой полнеба, оглянуться не успели — а уже и гром! Поначалу отдаленный такой... скорее даже не гром, а глухое ворчание, будто где-то за лесом ворочался да недовольно урчал медведь.

А потом вдруг резко засверкали молнии, пронеслись канонадой громовые раскаты — над лесом, над городком, над озерами. Туда, в межозерье, и ударила молния — казалось, близко совсем. Громыкнуло так, что заложило уши, и тут же хлынул ливень!

Подростки с площади укрылись под спасительной сенью автобусной остановки, разом погасли редкие уличные фонари — дежурная смена местной подстанции вырубилa электричество, опасаясь грозы.

Темно стало кругом, неуютно, мокро. Сверкали молнии, громовые раскаты прокатывались, словно волны в бурю, дождь лил стеной. Недолго, правда. Немного погода поутих, но молнии так и сверкали, и гром еще гремел...

В этакую-то непогоду и пробирался окраиной городка припозднившийся путник. Спасаясь от дождя, он поднял воротник плаща, натянул на самые уши кепку. Зачем-то оглянулся, потом нырнул под спасительную сень крыльца одиноко стояв-

шего дома. Не изба то была, а именно дом — не по-деревенски длинный, обшитый досками, с высоким крыльцом.

По жестяному козырьку крыльца дробно стучали капли. Путник снова оглянулся, бросив быстрый взгляд на видневшийся в полусотне метров двухэтажный бревенчатый барак. Постоял, посмотрел и, таясь по-воровски, вытащил из-за пазухи плоский карманный фонарик. Включил на миг, осветив синюю, с серебристыми буквами вывеску — «Озерский районный дом пионеров и школьников». Старая была вывеска — район-то нынче отменили, так что быть ли здесь Дому пионеров — бог весть...

Удовлетворенно кивнув, неизвестный глянул на небо и, пожившись, спустился с крыльца. Обошел здание, прячась за кустами малины, затем, подойдя к окну, сноровисто выставил стекло! Тихо все, быстро...

Дождь уже почти кончился, но гром все гремел, а невдалеке, над лесом, сверкали синие молнии. Аккуратно прислонив выставленное стекло к высокому цоколю, мужчина просунул руку в окно, нащупав запор и распахнув створку, ловко забрался внутрь. Послышался глухой звон разбитого стекла, какое-то ляганье...

Снова ударил гром.

* * *

— Ну вот сами смотрите, товарищ... — встав посреди небольшого зала, заведующий Домом пионеров Аркадий Ильич Говоров растерянно развел руками. Еще не старый — сорок два года, — но уже сутулый и несколько рохля, Аркадий Ильич должностью своей гордился и много чего делал: и кружководов находил, и общественников привлекал, и средства в гороно выбивал — короче говоря, был на хорошем счету. А тут вдруг такое!

— Они вот через это окно влезли. Вот, товарищ участковый, тут и следы еще не высохли...

— Да уж вижу.

Совсем еще молоденький участковый в новенькой синей форме внимательно осмотрел следы, смазанные, честно-то говоря, или нарочно затертые. Посмотрел, вздохнул и перевел взгляд на заведующего:

— Так что, говорите, украли-то?

— Два фотоаппарата из фотокружка, — с готовностью перечислил Аркадий Ильич. — «Любитель» и «Смена». «Любитель» — на широкую пленку, а «Смена»...

— ...да знаю я, — прохаживаясь вдоль стен, участковый внимательно осматривал разбитые выставочные витрины. — А тут у вас что было? Драгоценные камни? Скифское золото?

— Да уж скажете! — заведующий фыркнул. — Военная экспозиция. Партизанский отряд у нас в войну был... Но медали не взяли — сами видите. Да и фотографии, документы целы, только вон... разбросаны.

— Похоже, вашими ценными бумагами воры подоконник протерли... и следы, — усмехнулся милиционер.

— Варвары!

— Значит, кроме фотоаппаратов, ничего больше ценного не пропало...

— Ой... стойте, стойте! — Говоров неожиданно заволновался. — Как же ничего ценного? А «Спидола»! У меня в кабинете была... взломали замок...

— Да у вас такие замки, что ногтем откроешь! Говорите, «Спидола»?

— Ну да. Ценный подарок от райкома партии! — не удержавшись, похвалился заведующий. — За хорошее воспитание школьников.

Участковый согласно кивнул: